

Наш субботний Гость

ЮРКА ИЗ 9 «4-го»

Мы с ним, оказывается, учились в одной школе — разница была в один класс. Тогда это была школа № 64. Учили нас одни и те же преподаватели — так что нам было что вспомнить, когда мы установили это. Но по школе я его не помню — мы учились в разных сменах. И как он читал на одном из школьных вечеров отрывки из «Бориса Годунова», тоже не помню. Не помню ни сабли, ни сапог Лжедмитрия. А читал он, как сам говорит, «громко и плохо».

Помню только разговор с одноклассником несколько лет назад, случайный разговор на улице, когда, перебирая знакомые имена, товарищ вдруг спросил: «Ты Юрку Гребня из 9 «4-го» помнишь? Артистом «заделался». В ТЮЗе играет».

Вот тогда я впервые услышал о Юрии Гребне. Да и то, наверное, скоро забыл бы, если бы не случилась через несколько дней пасмурная погода и плохое настроение, мне попалась на глаза витринка для афиш — маленькое освещенное окошечко старого ТЮЗа, и время было удобным. Так я посмотрел Юрия Гребня в первый раз на сцене в сказке Шварца «Обыкновенное чудо».

— А ты знаешь, меня это не удивляет, — говорит Юрий. — До сих пор меня многие помнят по «Обыкновенному чуду». Это было в самом деле чудо — то чувство, с которым я играл Муделя. Не ходил по сцене, а летал. А позднее я пришел к мысли, что самое трудное для актера состоит в том, чтобы, овладев техникой и опытом, играть так, словно ты первый раз на сцене, когда у тебя ничего нет, кроме сердца и трепета...

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Детство, омраченное войной. Какой видят ее трехлетний мальчишка, живущий в Омске — городе, далеком от войны? Какую-то бумажку принесли утром в соседнюю комнату, и теперь там очень тихо, папа (он военком) пришел с работы сердитый-пресердитый, мама вернулась домой с пустой сумкой и говорит соседке, что сегодня «не отоварили карточки».

— Хорошо помню — все время есть хотелось, — неожиданно он улыбается. Улыбаться вроде бы нечему. Кроме хорошей погоды, чистых, красивых улиц, деревьев, утренней свежести, кроме хорошо прошедшей репетиции, на которой работалось напряженно и интересно, кроме спектакля, который очень любишь и который предстоит играть сегодня вечером.

Совсем недалеко от дома, где жила их семья, находился цирк. Здорово было сидеть где-нибудь на верхотуре и ждать, когда зажгутся все разом большие лампы и выйдут наряженные люди и будут делать разные интересные вещи. А потом рассказывать об этом соседским ребятишкам.

— Рассказываешь, да еще присочинишь «для интереса». С малых лет парень поговоришь любил. Соседской девочке как-то такую сказку рассказывал, что даже ее маме интересно стало. Ты, говорит, откуда такую сказочку взял? А я изо всех помемногу, — он снова улыбнулся и глубоко вдохнул сыростью с ветром воздух, и я подумал, что сегодня он будет играть особенно хорошо...

КТО ИЩЕТ...

Перечитывая записи наших бесед с Юрием Гребнем — остается впечатление противоречивости, непоследовательности и еще какой-то изначальности — как-будто человек все время начинает одну и ту же тему — то издали и ассоциативно, то, что называется, — в лоб.

Конечно, это очень хорошо, когда человек сразу вступает на путь, который приведет его к желаемой цели, — правда, для этого еще нужно знать, в чем цель. Но бывает и иначе. Бывает иногда так, что человек очень долго, может быть, всю жизнь, не может быть уверен, что нашел столбовую дорожку, прямой и ровный путь наверх, в конце которого белеет граненый памятник. Бывает так, что человека всю жизнь преследует ощущение неподлинности, недостаточной ценности или просто ложности того, что он делает. И смириться с этим никак нельзя. И он мечется, ищет...

Так или иначе, но эти категории существуют — уверенных и вечно сомневающих. Юрий, безусловно, принадлежит ко второй. Хотя внешне его артистическая биография выглядит вполне благополучно. Ведущий актер ТЮЗа, на счету которого множество интересных ролей, признание, популярность... Кажется, все это должно было избавить его от ощущения неудовлетворенности. Однако этого не случилось.

Причина, как мне кажется, в том, что сознание удач существует в нем как бы изолированно от его отношения к себе, того, что он делает, его мироощущения и понимания того, как все это действительно должно быть. Поэтому удач оказывают не слишком сильное действие на него. Срывы, падения — гораздо сильнее. Во время бесед с Юрием у меня не раз появлялось ощущение, что ему приятно говорить о провалах и неудачных ролях.

Это его принципиальная точка зрения — без провалов и неудач не может быть полноценного творческого процесса. «Новосибирский ТЮЗ — блестящий театр. Плох он лишь тем, что в нем актер не имеет права на провал. А без этого в нашем деле нельзя».

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

В театр режиссер Иогельсон пригласил Юрия сразу по окончании десятилетки. Первые несколько ролей были сыграны на одном лишь «трепете», однако скоро обнаружилось, что этого совершенно недостаточно. Необходимо было серьезное овладение профессией. Нужен был учитель.

Для первых шагов Юрия Гребня на профессиональной сцене огромное значение имела встреча его с режиссером Дмитрием Савичем Бархатовым. Он стал первым учителем молодого актера. Именно он положил начало развитию в актере чувства сценической правды. Был требовательным и строгим, непримиримым к фальши. Но именно в том заключался его педагогический талант, что, требуя от актера очень многого, он многое ему давал. Долгими часами он репетировал с начинающим актером. Юрий быстро накапливал сценическую культуру, профессиональные навыки. Появились первые успехи. Они слегка кружили голову. И первые неудачи. От них можно было прийти в отчаяние. Но все равно это было прекрасное время. Дружба с Дмитрием Савичем, однако, не мешала последнему быть к Юрию очень строгим и даже снимать его с ролей (Юрий был снят с роли Кости в «Заводских ребятах»).

Другим обстоятельством, имевшим также большое значение для Гребня-актера, была поездка в 1960 году по путевке ВТО в Рузв. Подмосковный дом отдыха актера.

ПОСВЯЩЕНИЕ В АКТЕРА

Вслед за живым, полным деталей и подробностей рассказом Юрия можно легко нарисовать себе диповые аллеи Рузв, гуляющих по ним старых актеров и актрис, степенных и седовласых. И их, восторжен-

ных и юных, с благоговением взирающих на «патриархов» театра.

Актер, сыгравший серьезные роли во многих пьесах, он до сих пор с волнением вспоминает крохотные этюды, сделанные им под руководством артистов МХАТа Скрибина и Герасимова, выступления Царева, Сурена Кочаряна, Астангова, бережно хранит в памяти даже то, как Немецкий учил их, молодых, падать на сцене, не причиняя себе боли.

А разве можно забыть долгую беседу с почти умирающим Алексеем Поповым? Великий артист незадолго до смерти тоже тепло вспоминал об этой встрече с молодыми артистами в своей последней статье в журнале «Театр». Эти встречи, беседы, впечатления — для молодого артиста Юрия Гребня они стали не просто запоминающимися эпизодами, но наверняка во многом определили его отношение к профессии и призванию актера, больше того — стали своеобразным посвящением в актеры.

ТРУДНЫЕ СТУПЕНИ

Весной этого года в помещении театра кукол проходила конференция омского отделения ВТО. Докладчик говорил о том, что в омских театрах выросли интересные, талантливые актеры. Среди них и артист ТЮЗа Юрий Гребень. В нескольких словах он проследил творческий путь актера, отметил его успехи. Имя Юрия Гребня прозвучало и в докладе секретаря обкома КПСС Е. Д. Сухининой на городском собрании интеллигенции. Роль Петра в «Мещанах» признана одной из лучших работ спектакля. Это — объективная оценка труда актера. А субъективная...

Я уже говорил о том, что для Юрия Гребня характерно очень спокойное, умеренное отношение к своим сценическим удачам.

Было время, когда он, сам того не замечая, подменял правдоподобием правду, сбавлял, сценическим эффектом — убедительность и глубину. Тогда он увлекался жестом, выигранным интонацией, косяковой позой, и это приносило ему успех. И все же он ушел от этого. Успех — это, конечно, хорошо. Но есть что-то такое, что выше, значительнее... Можно изныть, темпераментно бросить в зал какую-то реплику, точно зная, что ей будут аплодировать. Но как ни горько это признавать — количество аплодисментов еще не есть эквивалент проделанной тобой внутренней работы, выделенной твоим сердцем и умом энергии. Гробовая тишина в зале иногда бывает правдивее грома аплодисментов...

Так случилось, что нам пришлось часто встречаться во время работы его над ролью Петра в «Мещанах». Встреча в коридорах театра рассеянно-сосредоточенного Юрия, я догадывался, что роль «не идет». На репетициях он сидел, погруженный в себя, кусал дужки очков. Одну и ту же сцену репетировал каждый раз по-новому.

— Понимаешь, — говорил Юрий, — я, Гребень, ненавижу Петра. И хочу, чтобы зрители тоже его ненавидели. Но не я, артист Юрий Гребень, должен его разоблачать, а он сам... то есть я, конечно, но так, чтобы зритель воспринял все это через него...

— Мне кажется, без такого активного отношения к своему герою актер не может обойтись. Половина здесь быть не может. Нужно очень ясно осознавать свою позицию. И реализовать ее всеми имеющимися у тебя средствами. Как это говорил Ромм? Искусство должно быть горячим. Театрами могут быть только помон. Слова, может, и не те. А смысл этот.

АКТЕР ТЕАТРА СОКОЛОВА

— Театры бывают разные. Взять тот же Новосибирский ТЮЗ. Он очень эффектен внешне. Он буквально захватывает зрителя ритмом, зрелищем. Громко, здорово. Но по моему — это игра в никуда. А театр Соколова — это игра точно в адрес. Но адрес постоянно меняется. И театр должен это учитывать. Вот говорят, это — не Горький, или это — не Чехов. Мне непонятна такая аргументация. С тех пор, прошло шестьдесят лет. И мы можем обращаться к ним только в одном случае — с целью найти в них ответы на вопросы, которые важны для нас сейчас.

— На обсуждении «Мещан» кто-то спросил: «Почему это Нил уходит так некрасиво?». А кто сказал, что после ссоры и скандала можно уйти красиво? В самом деле, как раньше, да и теперь во многих театрах играли смерть? Очень красиво, эффектно. Актер, «умирая» на сцене, соображал, как же покрасивее разложить свой плащ. А смерть — это ведь некрасивая штука. А, впрочем, все это теории. Я глубоко убежден, что истину можно найти только в работе, а что такое работа актера — знает не каждый, и если для определения трудности работы существуют такие эпитеты, как «лошальная», «титаническая» или «собачья», то говоря про работу актера можно называть любой из них или все вместе — будет одинаково верно.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Иногда случается странная вещь. Встречаешь человека противоречивого, во всем сомневающегося — и находишь в нем больше истинности, чем в целым и последовательным. Такое ощущение остается от встреч с Юрием Гребнем. И все-таки он на правильном пути. Его недовольство собой, неудовлетворенность сделанным — свидетельство неисчерпанных творческих сил. У него много планов — как у всех, и, как все, он не любит о них говорить. Мне удалось только узнать, что он втайне мечтает о князе Мышкине. Может быть, мы и увидим его в этой роли. Может быть, нет. Значит, увидим в других. Но мы можем быть уверены в том, что не иссякнет в нем жажда поиска, что всегда мы будем свидетелями его становления — процесса, который никогда не закончится.

В. КАРНАУХОВ.